

Держава

новеллы последнего года

Борис Штейн

Книга Сефер Израиль 2020

Борис Штейн

**Держава. Новеллы
последнего года**

«Книга-Сэфер»

2020

Штейн Б. С.

Держава. Новеллы последнего года / Б. С. Штейн — «Книга-Сэфер», 2020

ISBN 965-7288-60-1

Борис Штейн. 1933, Ленинград, СССР – 2017, Ашкелон, Израиль. Романист, поэт, эссеист Борис Штейн свою последнюю книгу составил из коротких новелл-притч. И в этом, сравнительно новом для себя жанре, он предстает перед читателем мудрым, ироничным собеседником. Мастером русской прозы.

ISBN 965-7288-60-1

© Штейн Б. С., 2020
© Книга-Сэфер, 2020

Содержание

Адмирал	6
Восторг	10
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Борис Штейн

Держава. Новеллы последнего года

© Борис Штейн, наследник, 2020

© Книга-Сефер, 2020

Адмирал

Барак был, как барак: сколоченный из неструганных досок и зашпаклёванный сухим мхом. Как сто, как двести лет назад. В мире мощно вышагивал технический прогресс – в области связи, в области транспорта и производственных технологий, в области вооружений, и только лагерные бараки оставались такими, как в стародавние времена.

Со скрипом и скрежетом открылась обледенелая дверь барака, и вовнутрь въехала двухколесная таратайка с котлом, наполненным неким горячим варевом. Толкал таратайку коренастый зэк, уже немолодой, со следами полноты и утраченного начальнического благородства на лице.

Он, действительно, был старше других заключенных – может быть, ему поэтому и доверили разливать и раздавать баланду. Называли его Адмиралом, под этим именем он и числился в тюремных списках, потому что он до ареста, действительно, был адмиралом, и роскошную адмиральскую тужурку резко сменил на арестантский ватник. Так получилось...

Между тем барачный люд выстроился в очередь, и началась раздача пищи. Нужно сказать, что в котел входило ровно 230 порций – по количеству едоков. И черпак вмещал в себя ровно одну порцию – ни больше, ни меньше. И если все содержимое до капли переливать в черпак, то выйдет ровно двести тридцать черпаков – капелька в капельку. Но в том-то и дело, что вычерпать черпаком все до капельки невозможно. С какого-то момента приходилось плескать в миску дважды по полчерпака, с какого-то – трижды по одной трети. А то, что оставалось на самом дне, вообще невозможно было зачерпнуть. Адмирал понимал это, и чтобы последний в очереди не остался без обеда, немного не добирал в черпак, и в результате хватало всем. Глаз у Адмирала был наметан. Не зря на раздачу поставили Адмирала, а не какого-нибудь лейтенанта!

На вот заключенный по прозвищу (а теперь уже – и по имени) Глиста – худущий, сутулый зэк – решил, что его обделили и поднял скандал. Он залился визгливым криком, в котором «капитан сраной баржи» было самым мягким выражением. Вообще-то, Адмиралу за словом в карман лезть не приходилось. Он мог завернуть загогулину не хуже кого другого. Но положение раздатчика пищи не позволяло Адмиралу опускаться до словесной полемики. Поэтому Адмирал вышел из-за своего бака, с силой опустил половник на голову бузотера и свободной левой рукой нанес прямой удар в уже ошалевшую голову недавнего едока. В голову – то есть, в подбородок, и Глиста оказался в глубоком нокауте. У Глисты, впрочем, нашлись защитники, которые ринулись на Адмирала, и Адмирал отбивался от них, орудуя половником и кулаком. Огромный синяк разливался у него под глазом, но он этого не замечал. Два зэка уже валялись на грязном деревянном полу, когда в барак ворвались охранники – молодые ребята, причем их командир был самым юным; бритва еще не касалась его румяного лица. Самым юным, но самым решительным. Он выкинул вперед руку с маленьким черным штырем. Штырь мигом удлинился, как телескопическая антенна, и юный охранник сделал, прямо-таки, фехтовальный выпад и поразил Адмирала электрическим разрядом. Адмирал рухнул на пол всем своим когда-то могучим талом и затих. Охранники выволокли его из барака и погрузили на самодельную деревянную двуколку.

Очнулся Адмирал уже в карцере. Постонав и поохав, он вытащил из кармана старенький смартфон, который ему, как раздатчику пищи, разрешали иметь при себе, и написал письмо своему министру.

– Я командовал флотом, – писал Адмирал, а теперь мне доверили разливать бланду. Для поддержки своего достоинства мне иногда приходится вступать в драку. Я сейчас сижу в карцере. По сравнению с этим карцером наши корабельные карцеры кажутся санаторными палатами. Я прошу об амнистии. С меня хватит!

Бедный Адмирал!

* * *

Министр обороны зачитал вслух послание Адмирала. Министр юстиции сидел с непроницаемым лицом. Министр внутренних дел горестно вздохнул. Потом сказал, ни к кому не обращаясь:

– Надо что-то придумать...

Министр юстиции Каха сказал:

– Ничего придумывать не надо!

Министр внутренних дел Дани горячо возразил:

– Что мы не люди, что ли?

– Вы найдете в законе исключение для этого случая?

– Жалко же человека, – не унимался Дани.

– Жалко, – согласился Каха. – Но закон есть закон.

Тогда министр внутренних дел Дани обратился к министру юстиции Кахе:

– Вы знаете, что Ваш сын арестован за угон аэромобиля и хулиганство в воздухе?

– Знаю, – кивнул Каха.

– И что Вы собираетесь делать?

– Я? Ничего.

– Как – ничего?

– Так – ничего.

– Его же будут судить и мало не дадут. Аэромобиль не чей-нибудь, а генерала авиации.

– Это его выбор, – хмуро сказал министр юстиции.

– Генерал может закрыть на это глаза... и закрыть дело, – это уже министр обороны.

– Это выбор генерала, – заметил министр юстиции.

А министр обороны продолжал, будто не слышал этой реплики:

– ...генерал закроет дело на вашего сына, а Вы найдете способ вытащить из лагеря Адмирала.

Министр юстиции ответил коротко:

– Нет.

Министр обороны взял проникновенный, дружеский тон:

– Каха, неужели Вам по-человечески не жалко Адмирала?

Каха долго молчал, а потом проговорил:

– Господин министр обороны, неужели Вам по-человечески не жалко тех восемь человек, которых в пьяном виде передал на своей колымаге обнаглевший адмирал? Это были простые люди – не соратники и не генералы. Но Держава должна охранять всех – и простых людей тоже.

– Подумайте о своем сыне! – воскликнул министр обороны. На что министр юстиции хмуро ответил:

– Закон есть закон.

– Добро, – зло сказал министр обороны. И министр внутренних дел отозвался:

– Добро.

* * *

Надзиратель сказал: «Двадцать минут» и пустил Олеко в камеру. Гиви шагнул к нему навстречу. Они обнялись.

– Говорят, что ты стырил летающую тачку у генерала авиации! С восхищением воскликнул Олеко.

- Да, так, – вяло подтвердил Гиви.
- Это круто!
- Да я не знал, чья это тачка...
- Да ладно, не тормози! Весь планктон тебя сильно уважает. Ты – самый мажор!
- Да что там! Пора завязывать со всей этой бодягой! Вот ты же имеешь сложную специальность. А я?!
- Ну-ну, ты чего – такой-то!
- Отбуду свое, примусь за учебу.
- Что тебя предок не отмажет?
- Нет. Он говорит: «Закон есть закон»
- Олеко стал серьезным.
- Ты не знаешь, что такое зона. Там тебя сгноят или опустят.
- Постараюсь выдержать. Живут же люди и на зоне. А с другой стороны от меня уже ничего не зависит.
- Как знать, – возразил Олеко. – Делай все возможное, чтобы не попасть на зону.
- Вскоре пришел охранник и прекратил свидание.

* * *

Только молодость и здоровье позволили Гиви уснуть на скамейке без матраса после задержания, побоев и изнурительных допросов. Проспал он часа четыре, но и этот короткий сон освежил его.

Утром его отвели к начальнику тюрьмы. Моложавый майор с аккуратно подстриженными усиками был по сравнению с теми, кто его допрашивал, – сама любезность. Он усадил Гиви на стул возле своего стола и завел с ним душевную беседу.

– Как же так, – сокрушенно качал аккуратной головой молодой майор, – отец твой министр юстиции – воплощение закона, а ты этот закон нарушаешь! Хорошо ли? – Гиви искренне соглашался:

– Плохо.

– А дадут тебе срок, – продолжал майор, – лет пять или десять – север, лесоповал, холод, голодуха... Хорошо ли?

– Плохо, – соглашался Гиви.

Они долго так беседовали. Где-то на середине беседы майор распорядился насчет чая. Зэк в мятой, но чистой белой куртке, надетой поверх ватника, принес две эмалированные кружки, от которых шел пар, и два куска хлеба с четырьмя кусочками сахара. Гиви был настолько голоден, что ему казалось, ничего вкуснее этого тюремного хлеба он в жизни не ел. Атмосфера потеплела, натянутость пропала, и тогда майор сказал:

– Гиви, можно избежать суда, закрыть дело.

– Как это? – поинтересовался Гиви.

– Ты ловкий парень, – сказал майор, умеешь управлять аэромобилем. Комитет Безопасности Державы хочет использовать эти твои качества. Ты в воздухе разрежешь лазером одну летающую тачку, вот и все.

– С земли? – удивился Гиви. – Как это?

– Ну, что ты, Гиви, улыбнулся майор. – Ты получишь новенький аэромобиль. После выполнения задания оставишь его себе.

– Круто! – усмехнулся Гиви. – А кого, это самое?

– Не важно, – сказал майор. – Тебя наведут. Это в целях безопасности. Согласен?

– Допрыгался! – подумал Гиви. Допрыгался до роли наемного киллера! – А вслух сказал:

– Еще бы! Новый аэромобиль или тюряга! Согласен.

– Вот и молодец, – оживился майор. – я сразу понял, что ты неглупый парень. Сейчас тебя выведут наружу и отведут к тому месту, где стоит аэромобиль. Тебе, разумеется, отдадут твой стереофон. Держи его всегда включенным и жди команды.

* * *

Аэромобиль был точно таким, как тот, что Гиви угнал со стоянки возле штаба Военно-Воздушных Сил. – Лазер встроены в приборную доску, – сказали ему. – Разберешься.

Какого же было удивление Гиви, когда, открыв дверцу машины, он увидел там закадычного друга Олеко, с которым было связано все его детство.

– Ты чего тут делаешь? – удивился Гиви.

– Мне нужно с тобой очень серьезно поговорить. – Олеко, всегда веселый и бесшабашный Олеко, был напряжен и скован. – Разговор долгий и трудный. – Гиви пожал плечами. Он думал, что после беседы с начальником тюрьмы его уже ничем удивить не возможно. Но он ошибался.

– Я уже три года работаю на БЖ – чисто по специальности. Сконструировать, настроить и так далее. До сегодняшнего дня это уживалось с моими представлениями о порядочности. Но сегодня...

– Что сегодня?

– Знаешь, почему я оказался в этом аэромобиле?.

– Почему?

– Я получил задание приспособить сюда взрывное устройство.

– Круто! – Гиви криво ухмыльнулся. – И когда же я должен погибнуть?

– В тот момент, когда запустишь лазерный луч в аэромобиль своего отца.

– Что?! – Гиви вдруг беззвучно заплакал. Слезы катились по его щекам, плечи вздрагивали. – Скажи мне, Олеко, есть ли предел злодеяниям?

– Нет, ответил Олеко, – в Державе нет предела злодеяниям. Поэтому я тут, с тобой. Я порываю с Державой.

– Как можно порвать с Державой? Кто тебе позволит?

– Есть два пути, – сказал Олеко. – Другая жизнь или смерть. Меня устраивают оба, но первый, конечно, предпочтительней.

– Как это? – не понял Гиви.

– Будем валить через кордон, – пояснил Олеко. – Я полечу с твоим отцом. Тебя наведут на его машину, и ты пристроишься рядом. Будешь в охране. Будут беспилотники, будут и пилотируемые перехватчики – всех рази лазером. И не дрейфь. Тебе здесь уже жизни нет... Всем нам троим – нет.

Когда к поврежденному пулями аэромобилю подошли официальные лица, бывший министр юстиции заявил, что просит политического убежища. Сын бывшего министра и его друг сделали аналогичные заявления. Процедура эмиграции началась.

Когда Самому доложили о срыве операции, он приказал найти и наказать виновного. Виновным назначили майора – начальника тюрьмы. Ему просто отключили систему жизнеобеспечения и изъяли запасные батареи.

А Адмирал? А про Адмирала забыли, не до него было. И он продолжал мотать срок.

Восторг

Старый березовый комод долго не соглашался разрешить верхнему ящику выдвинуться наполовину. Он служил людям в течение нескольких поколений, и никогда прежде не выказывал своего норова. А тут его словно заклинило: он кряхтел и скрипел, словно прощался с жизнью. Да это и в самом деле было прощанием, потому что две хранившиеся в ящике переносные батареи были последней ниточкой, связывавшей комод с живущим в этой квартире человеком, дни которого были сочтены. За ненадобностью комод подлежал сожжению, причем тепло от его горения, так же как тепло от кремации его старого хозяина Людвиг Иванович Бовина будет преобразовано в энергию новых батарей, так необходимых для системы жизнеобеспечения солдат и офицеров – последней гордости, задыхающейся от нехватки энергии державы. Между тем, Людвиг Иванович достал из ящика две последние батареи, приладил их к системе жизнеобеспечения и облегченно вздохнул, почувствовав прилив сил, тепло и даже сытость. Можно было погружаться в творчество, то есть, приступать к работе. Людвиг Иванович Бовин был композитором. Более того: он был выдающимся композитором: его знали и любили на просторах великой Родины и за ее пределами. И за ее пределами! Этим мог похвастаться далеко не каждый из лауреатов государственной премии по музыке. Но дело не в этом. Дело в то, что Людвиг Иванович сам трепетно любил свою музыку, что можно сказать далеко не о каждом композиторе. А Людвиг Иванович любил! Он начинал испытывать это сладкое и тревожное чувство к своей сонате или оратории задолго до появления опуса на свет – в момент зарождения первых красок картины, которую предстояло выразить средствами фортепьянных, духовых, вокальных и других звуков, и он принимался творить, и был в эти минуты счастлив. Еще бы не счастлив! Он жил в реалиях той ослепительной картины, которую сам писал звуками, как живописец – ярчайшими краскам. И эта звучащая картина заменяла ему реальную картину жизни, написанную унылыми, блеклыми красками, в которых преобладали серый и черный цвета. Его музыка звучала по радио и телевидению, в концертных залах, ее слушали с упоением беглецы от скудной и суровой действительности – беглецы хотя бы на тридцать – сорок минут.

Сам Людвиг Иванович во время работы над очередным опусом чувствовал себя молодым и счастливым, обуреваемым силой и желаниями. Какие, кажется, желания могут быть у пожилого человека, подключившего к системе жизнеобеспечения последние две батареи из своего запаса? А – могут! Дело в том, что Людвиг Иванович любил. Он нелепо любил депутата парламента Любовь Озимую, которая, кроме всего прочего, осуществляла надзор за расходом жизненной энергии гражданами и предприятиями. Людвиг Иванович видел ее всего несколько раз, и только на экране телевизора, но этого было достаточно для его пылающего сердца и для ярких красок восторга, поджигающих его музыку огнем безумной надежды. Иногда он позволял себе робко не соглашаться с тем, что она говорила. Но это ничего, ровным счетом ничего не значило! Впрочем... Однажды Любовь Озимая, выступая по телевизору, обрушилась с резкой критикой на тех пожилых людей, которые, используя свою норму энергии жизнеобеспечения, прибегают к припасенным ранее батареям, чем продляют свою жизнь и срывают план накопления энергии от кремации, что понижает боеспособность нашей могучей армии. Как-то это было не совсем...но не важно Она была так решительно хороша, как, наверное, была когда-то хороша ее тезка, героиня одноименной пьесы. Людвиг Иванович представил себе прекрасное лицо Любы Озимой, ощутил необыкновенный подъем, пальцы с бешеной скоростью забегали по клавиатуре синтезатора, в наушниках забили музыкальные фонтаны, на экране с бешеной скоростью помчались ноты. О, это была гениальная музыка! Это был такой подъем духа, при котором случаются галлюцинации. Людвиг Иванович и решил, что это галлюцинация, когда не увидел, но непостижимым образом почувствовал, что за его спиной кто-то обре-

тается, кто-то активно существует. Он обернулся и увидел Любовь Озимую. – Здравствуйте, Людвиг Иванович, – задушевно произнесла депутат парламента.

Заикаясь от смущения, композитор сказал:

– Здравствуйте, Люба...

– Как мило, улыбнулась Озимая, – Давно меня так по-домашнему никто не называл!

– Чем обязан? – нашелся Людвиг Иванович, боясь, что волшебное видение исчезнет так же внезапно, как появилось. Но ведение не исчезло, а, напротив того, село на диванчик и немного поерзало на нем, устраиваясь поудобней.

– Людвиг Иванович, – начала Любовь Озимая, – я обожаю Вашу музыку, но здесь я совсем по другой причине. Здесь я по общественно-служебной надобности.

– Да-да, я понимаю, – радостно закивал знаменитый композитор. Он не понял ровно ничего из сказанного, но это не имело никакого значения. Он слышал ее голос и видел ее живую, не на экране телевизора, а в собственной квартире. Этого было более, чем достаточно. Этого было – через край!

Любовь Озимая продолжала между тем:

– Людвиг Иванович, Вы израсходовали положенную Вам жизненную энергию и прибегли к запасным батареям. Людвиг Иванович, это непатриотично! Государство мобилизует все свои ресурсы, чтобы доказать окружающему миру наше, можно сказать, превосходство, и нецелевой расход энергии подрывает...

В другое время и другому человеку Людвиг Иванович возразил бы, что в его случае расход жизненной энергии нельзя считать нецелевым, потому что музыка, которую он пишет, она тоже... Но это – в другое время и другому человеку. А сейчас... Не Любви же Озимой, не Любе возражать в самом деле! Какое счастье, что она тут рядом примостилась на диванчике, какое счастье слышать музыку ее голоса!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.